

З. В. УДАЛЬЦОВА

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ИТАЛИИ НАКАНУНЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Изучение истории классовой борьбы в остготском королевстве в Италии представляет большой научный интерес, особенно в связи с теми изменениями, которые произошли в характере этой борьбы на основе крупных перемен в социально-экономической жизни страны.

В трудах некоторых буржуазных историков вопрос о борьбе народных масс в период правления остготов или просто замалчивался¹ или трактовался с реакционных позиций.

Так, например, Феликс Дан в своем обширном труде, посвященном истории германских королевств, возникших на территории Римской империи, восхваляет остготского короля Теодориха за его „твердую“ внутреннюю политику, направленную как против выступлений народных масс (в частности, рабов), так и против злоупотреблений могущественных лиц². По мнению Ф. Дана, в течение длительных войн, происходивших в Италии, многочисленные римские рабы „распустились и одичали“. В связи с гибелью массы знатных римлян-рабовладельцев многие из рабов освободились или переменили хозяев. Вместе с тем во время „беспорядков“ усилились и могущественные лица, обращавшие беззащитных людей в своих слуг или рабов.

Против „распущенности“ этих „одичавших“ без хозяев рабов, а также против злоупотреблений новой знати и выступает якобы правительство Теодориха в своих законодательных санкциях³.

При этом сам король Теодорих рисуется в книге Дана гуманным миротворцем, носителем некоего абстрактного начала надклассовой „гуманности“: он стремится к установлению в стране порядка, к подавлению выступлений народных масс и к прекращению бесчинств знати. О выступлениях народных масс, особенно рабов, автор говорит с нескрываемым презрением, считая, что вывести рабов из состояния „одичания“ и „распущенности“, в котором они оказались в результате бурных событий предшествующего времени, могла только крепкая королевская власть⁴.

В противоположность Дану, не только не отрицавшему наличия классовой борьбы в остготском государстве при Теодорихе, но даже открыто восхвалявшему этого короля за подавление народных восста-

¹ O. Bertolini. Roma di fronte a Bizanzio e ai Longobardi. Bologna, 1941.

² F. Dann. Die Könige der Germanen, Bd. IV. Würzburg, 1866, S. 33.

³ Ibidem, S. 33—34.

⁴ Ibidem.

ний, некоторые буржуазные историки изображают правление Теодориха как период некоей социальной гармонии. В большинстве случаев они отрицают наличие классовых столкновений в государстве остготов и рисуют самого Теодориха покровителем и заступником народа, встречающим его горячую поддержку и одобрение¹.

Между тем источники VI в. содержат весьма важные, хотя и не слишком обильные сведения о классовой борьбе в остготском государстве. Они проливают некоторый свет на вопрос о характере и формах социального сопротивления различных слоев угнетенного населения Италии того времени.

В условиях сохранения рабства и дальнейшего ухудшения в положении колонов² весьма распространенной формой социального протеста народных масс в остготском королевстве попрежнему остается бегство рабов и колонов из имений их господ. Об этом свидетельствует включение остготским правительством в эдикт Теодориха ряда строгих предписаний, направленных против побегов рабов, колонов и представителей других категорий зависимого населения Италии. Так, например, эдикт сурово карает укрывательство беглого раба или чужого колона³, причем за сокрытие того же самого беглеца во второй или в третий раз наказание увеличивается и размер материальной компенсации возрастает: если в первый раз человек, укрывший раба или колона, должен был выдать хозяину, кроме самого беглеца, еще одного раба, то при повторении этого проступка виновный обязан был возратить господину, помимо беглого раба, еще трех других рабов той же самой стоимости⁴.

Весьма показательным является то, что в римском праве аналогичные предписания были направлены только против побегов рабов, в остготском же законодательстве — также и против побегов колонов⁵. При этом эдикт Теодориха устанавливает одинаковое наказание за укрывательство как раба, так и колона⁶. Все это свидетельствует о том, что в реальной действительности того времени весьма распространенным явлением были побег не только рабов, но также и колонов, что и нашло свое отражение в законодательстве остготского государства.

Охраняя интересы собственников, эдикт Теодориха предписывает при расследовании дела о побеге зависимых людей подвергать попытке беглецов для выяснения мотивов побега. Это предписание относится к рабам и, повидному, в такой же степени, к колонам⁷.

В связи с распространенностью побегов тех и других, для остготского правительства важно было пресекать побег всех зависимых людей, применяя по отношению к ним самые суровые меры.

В тесной связи с приведенной выше статьей эдикта Теодориха находятся и другие предписания остготского правительства, направленные против бегства рабов.

¹ E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1949, p. 132—134; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im frühen Mittelalter, Bd. I. Gotha, 1904, S. 119 etc.

² Э. В. У даль ц о в а. Сельское зависимое население Италии VI в., ВДИ, 1955, № 3, стр. 85—117.

³ ETh., § 84.

⁴ Ibidem.

⁵ Cod. Just., VI, I, cap. 4, de servis fugitivis. ETh., § 84.

⁶ ETh., § 84.

⁷ Ibid., § 84. „... Mancipium tamen ipsum... oportet in examinatione torqueri...“

В данном случае термин „mancipium“, очевидно, имеет собирательное значение и обозначает как раба, так и колона; это вытекает из всего контекста данной статьи. См. Э. В. У даль ц о в а. Сельское зависимое население Италии VI в., стр. 87.

Так, например, эдикт устанавливает, что „раб, находящийся в бегах, не может быть ни продан, ни подарен“¹. Запрещается удерживать у себя чужих рабов, беглых или переманенных². Хозяин несет ответственность за „склонного к бегству“ раба, проданного им другому лицу³. Предписание эдикта по этому поводу гласит следующее: „Если кто-либо продаст склонного к бегству раба не знающему о том лицу и если тот (раб) убежит также и от покупателя, то пусть продавец возвратит его стоимость и возместит убытки, которые могли быть причинены беглым“⁴. Эта статья эдикта, так же как и статья 84, убедительно показывает упорство и стойкость рабов и других зависимых людей в их борьбе за свою свободу: часто имело место повторное бегство рабов, против чего правительством принимаются соответствующие законодательные меры.

Это постановление эдикта Теодориха указывает на то, что остготское правительство частично перекладывало и на самих господ борьбу против бегства особенно непокорного и свободолюбивого раба. Законодательство устанавливало, что хозяин не может избавиться от „склонного к бегству“ раба путем продажи его другому лицу, а должен сам принимать меры против его повторных побегов.

Помимо упоминания о бегстве рабов и колонов, в эдикте Теодориха имеются данные, которые говорят о побегах людей, принадлежащих и к другим категориям зависимого населения Италии.

Так, например, в эдикте особо оговариваются случаи бегства оригинариев⁵. Из статьи 80 эдикта Теодориха с очевидностью вытекает, что крупные землевладельцы принимали не только беглых рабов, но и оригинариев, которые выдавали себя за свободных людей⁶: эдикт предписывает наряду с рабами возвращать прежним хозяевам также и оригинариев⁷.

Необходимо особо отметить, что указание эдикта Теодориха на бегство и принудительное возвращение прежним хозяевам не только рабов, но и оригинариев, являлось нововведением самого остготского правительства: в римском праве не было предписаний такого рода⁸. Совершенно очевидно, что это нововведение было продиктовано необходимостью вести борьбу не только против бегства рабов, но и против колонов-оригинариев: оно свидетельствует о распространенности побегов среди этой категории зависимого населения с земель крупных землевладельцев.

Остготское законодательство предоставило господам право отчуждать колонов-оригинариев без земли. Поэтому имеется основание предполагать, что одной из причин, вызывавшей бегство колонов, могло быть распоряжение господина о сгоде оригинариев с их насиженных мест и переводе их в город или в другие имения⁹.

¹ ETh., § 87: „In fuga positus servus nec vendi, nec donari potest“. Cp. Cod. Just., IX, 20, cap. 6. Paulus. Sent., lib. I, tit. 6A, § 2.

² ETh., §§ 85, 86.

³ Ibid., § 141.

⁴ Ibidem. „Quicumque fugere solitum vendiderit ignoranti, si emptorem quoque fugerit, et precium venditor reddat, et damna sarciat, quae per eundem contigerint fugitivum“. Cp. Paulus. Sent., lib. II, tit. 17, § 11.

⁵ ETh., §§ 68, 80.

⁶ Ibid., § 80.

⁷ Ibidem.

⁸ ETh., § 80, cp. Ulpian. XI, 4, fr. I de fugitivis: Cod. Just., VI, 2, cap. 4, de furtis et servo corrupto. Cp. Cassiodori Senatoris Variarum, ed. Th. Mommsen, MGH. Berolini, 1894, III, 43.

⁹ ETh., § 142.

В VI в. часто происходило также и бегство рустиков; в источниках имеются, в частности, сведения о побегах рустиков с церковных земель во владения частных лиц¹.

Данные о бегстве клириков с церковных земель в конце VI в. содержатся в переписке папы Григория I, который в одном из своих писем к дефензору Сардинии пишет: „Нам было сообщено, что некоторые клирики (clerici) Каралитанской церкви отказали в повиновении своему епископу, прибегая к твоей защите против него, и поэтому становятся, о чем даже тяжело говорить, непокорными... Говорят даже, что, бросив поля своей церкви, они находятся вне церковных владений, занятые выполнением повинностей и работ на землях других лиц или записавшись на военную службу“².

Повидимому, в те времена нередко были также случаи бегства рабов и свободных людей, осужденных за какие-либо проступки: в эдикте Теодориха особо оговаривается, что расследование и наказание за преступления должно производиться там, где они совершены. Мотивировкой этого постановления служит опасение, что при переезде из одной области в другую обвиняемые могут бежать; причем указывается, что эту меру предосторожности в равной степени следует применять как по отношению к свободным людям, так и к вольноотпущенникам и рабам³.

Весьма показательным для характеристики положения разоренного свободного населения Италии и важным для выяснения его настроений является внесенное в эдикт Теодориха предписание, направленное против бегства коллегатов и куриалов с мест жительства⁴. Для свободных, но обедневших жителей Италии бегство от своего тягла из курии и коллегии, которые они не вправе были покинуть, также, повидимому, являлось методом протеста против социального неравенства и средством найти путь к освобождению⁵.

Непосредственной причиной бегства свободных людей могла являться неуплата недоимок и страх перед репрессиями правительства, строго каравшего за подобную провинность⁶. Иногда причиной бегства, по всей вероятности, служила непосильная тяжесть долгов и беспощадность кредиторов. Так, остготское законодательство указывает на то, что несостоятельные должники из числа обедневших свободных граждан бежали, спасаясь от преследования кредиторов, и искали убежища в церкви⁷.

Таким образом, в эдикте Теодориха и других источниках VI в. приводятся достаточно яркие свидетельства того, что в остготском государстве бегство рабов, колонов и угнетенного населения других кате-

¹ Gregorii I papae registrum epistolarum. MGH, t. II. Berolini, 1893, IX, ерр. 203—206.

² Ibid., IX, p. 203. Ср. также, IX, ерр. 204: „... Дошло до нас, что некоторые из ваших клириков, побуждаемые духом гордыни, о чем тяжело говорить, перестали подчиняться вашим приказаниям и, занятые выполнением повинностей и работ на чужих землях, бросают владения твоей церкви, где они необходимы“.

³ ETh., § 103. Ср. Cod. Theod., de accusat. IX, I, cap. 10; Dig. XLVIII, 2, 7, § 4. Изложение статьи в эдикте является вполне самостоятельным. См. F. Dann. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 86. В эдикте особо упоминается о бегстве рабов, совершивших кражу. В этом случае хозяин раба не несет за него ответственности, и право наказания раба передается самому истцу (ETh., § 109).

⁴ ETh., § 69.

⁵ Правда, освободиться, видимо, не всегда удавалось, и беглецы попадали подчас в зависимость от крупных землевладельцев (ETh., § 69).

⁶ Cassiod. Var., IV, 14.

⁷ ETh., § 71.

горий продолжало оставаться одной из распространенных форм социального сопротивления народных масс: законодательство остготского государства, защищая интересы крупных земельных собственников, принимало против этого самые строгие меры.

Другой, также весьма распространенной формой социального протеста угнетенных слоев населения (рабов, колонов, оригинариев) являлись частные, локальные выступления против отдельных представителей господствующего класса, выразившиеся в угоне стад скота крупных собственников¹, захвате их земли², уничтожении посевов³, убийстве господ⁴, нападении на их имения, иногда даже с применением оружия⁵ и, наконец, — в поджоге домов и вилл крупных землевладельцев⁶.

При этом необходимо отметить, что остготское правительство применяло самые жестокие законодательные санкции именно против подобных правонарушений. Так, например, за угон стад скота эдиктом Теодориха устанавливается смертная казнь и возмещение убытков в четырехкратном размере⁷. Предписание эдикта по этому поводу гласит следующее: „Тот, кто угоняет животных (*animalium*) или стадо (*gregem*) или чужой скот (*pecorum alienorum*), будь то из конюшни или с выгона, — наказывается мечом и ущерб взыскивается в четырехкратном размере из его имущества (*substantia*)“⁸. В эдикте особо оговаривается, что если „...это будет раб (*servus*) или оригинарий, то их господин, вызванный вместо них в суд на основании законов, пусть немедленно представит судье задержанных для предания их (смертной) казни, или, если он это предпочтет, то пусть удовлетворит потерпевшего так, как мы сказали выше“⁹.

Остготское законодательство, в отличие от римского права, особо указывает на то обстоятельство, что угон стад скота производился не только рабами, но также и оригинариями¹⁰. Кассиодор, в свою очередь, рассказывает о случае, когда у одного знатного путешественника в Сциллатинской области местными рустиками (*rustici*) были угнаны кони¹¹.

Конечно, угон скота мог быть и просто актом грабежа, однако, вместе с тем, не подлежит сомнению, что это была также одна из форм социального сопротивления трудящихся. Об этом свидетельствует прежде всего то, что в остготском (как и в римском) законодательстве особенно строго карается именно угон стад скота, захват же небольшого числа животных рассматривается как кража и наказывается значительно мягче¹². Подобное разграничение указывает не только на стремление законодателя наиболее действенным образом оградить интересы крупных соб-

¹ ETh., §§ 56, 57, 58.

² Ibid., § 104.

³ Ibid., § 151.

⁴ Cassiod. Var., I, 30; II, 19.

⁵ ETh., §§ 16, 75, 77.

⁶ Ibid., § 97.

⁷ ETh., § 56.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

¹⁰ ETh., § 56. Ср. Paulus. Sent., lib. V, tit. 18, § 2.

¹¹ Cassiod. Var., VIII, 32, § 4. Ср. IV, 49; VII, 1.

¹² ETh., §§ 56 и 57. В § 57 говорится следующее: „Если будет доказано, что угонщик (*abactor*) угнал, будь то из конюшен или с выгона, или похитил и насильно увел одного коня, до 2 лошадей и столько же быков, до 10 коз и до 5 свиней, то пусть он наказывается строжайшим образом (т. е. смертной казнью. — Э. У.); если же будет кем-либо похищено менее указанного количества животных, в том числе и свиней, то виновный наказывается штрафом, равным 4-кратной стоимости (животного), который взимается с него, как с вора“.

ственников, владельцев больших стад скота, но и на то, что особенно суровая кара предписывалась как раз в тех случаях, когда преступление уже выходило за рамки обычных в сельском быту того времени мелких правонарушений, а перерастало в выступление социального характера: ведь угон стад скота часто был связан с применением оружия¹. Включение в эдикт Теодориха суровых санкций против угона стад скота доказывает, что подобные случаи, повидимому, были не редкостью в те времена; порою они служили проявлением народного гнева, формой социальной борьбы рабов и колонов против богатых землевладельцев, владевших обширными пастбищами и крупными стадами скота.

Привлекает особое внимание и то обстоятельство, что для рабов и оригинариев за угон стад скота — преступление, наносящее ущерб крупным собственникам, — остготское законодательство устанавливает самое суровое наказание — смертную казнь, в то время как в римском праве за подобное же правонарушение, совершенное рабом, смертная казнь в качестве меры наказания предусматривалась не обязательно. Предписывалась иногда ссылка в рудники (*in metallam*) или отправка на общественные работы (*in opus publicum*)². Следовательно, остготское государство карало в таких случаях еще строже, чем римское, что указывает на важность пресечения подобных актов со стороны рабов и колонов-оригинариев для остготской и римской знати в королевстве остготов. Особое внимание остготского правительства к вопросу об охране собственности могущественных лиц, состоящей из многочисленных стад скота, повидимому, является немаловажным свидетельством большого значения скотоводства в хозяйственной жизни Италии того времени и показателем его удельного веса в хозяйстве крупных собственников³.

Следует отметить, что это предположение подтверждается также данными Прагматической санкции Юстиниана от 554 г., в которой особо оговаривается возврат крупных стад скота их прежним владельцам из числа римской знати⁴.

Довольно широко распространенной формой социального сопротивления народных масс, выражавшего в данном случае их стихийное стремление обеспечить земель тех, кто ее возделывает, были самовольные захваты рабами и колонами земель крупных собственников. Об этом сообщает следующее предписание эдикта Теодориха: „Те, кто нарушают

¹ Об этом прямо говорится в римском законодательстве: „Закоренелыми угонщиками являются те, кто угоняет лошадей или стада, из конюшни или с пастбища, в том случае, если они делают это часто или делают с оружием в руках“ (*Paulus. Sent., lib., V, tit. 18, § 2*).

² *Paulus. Sent., lib. V, tit. 18, § 2*. В остготском законодательстве устанавливается и более высокий штраф за угон скота: эдикт предписывает взыскивать 4-кратную стоимость каждого животного, а римское право — 3-кратную. Естественно, что столь высокий штраф взимался со свободных и, повидимому, даже знатных людей, которые угоняли чужие стада, в то время как для рабов и оригинариев за такое же преступление устанавливалась смертная казнь.

³ Подобное предположение находит полное подтверждение в труде Кассиодора. Так, например, Кассиодор в одном из своих писем рассказывает о развитии скотоводства в области Бруттия, изобилующей прекрасными пастбищами, покрытыми сочной травой даже в самое жаркое время года благодаря обилию источников, стекающих с гор. По описанию Кассиодора, равнины Бруттия были покрыты тучными пастбищами, перемежающимися с виноградниками. „Страна, — пишет автор, — изобилует стадами различных животных, но особенно славится табунами коней“. См. *Cassiod. Var., VIII, 31, § 5*. Кассиодор рассказывает также и о тучных пастбищах в Сицилийской области, близ источника Аретузы (*Ibid., VIII, 32, § 1*).

⁴ *Justiniani Novellae quae vocantur sive Constitutiones quae extra codicem supersunt. Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal, pars II. Lipsiae, 1881, Nov. CLXIV. Pragmatica Sanctio, § 4, 13.*

границы поля или вырывают межевые знаки, указывающие на границы, или выкорчевывают межевые деревья, если это рабы или колоны и делают это без ведома или приказа гни господина, то они наказываются смертной казнью¹. Они подвергаются смертной казни даже и в том случае, если захват земли произведен ими по приказанию господина².

Стоит особо отметить, что в эдикте Теодориха содержится весьма важное нововведение по сравнению с римским правом: в то время как в римских законах говорится о совершении самовольных захватов земли только рабами, в эдикте Теодориха добавляется, что подобные захваты совершаются также и колонами³. Это показывает, что как в хозяйственной жизни того времени, так и в социальной борьбе колоны занимали наряду с рабами значительное место⁴.

Весьма характерным для общей социальной направленности остготского законодательства является то, что за самовольный захват земель и нарушение границ чужого поля рабы и колоны в эдикте Теодориха наказываются значительно более сурово, чем в предписаниях римских юристов⁵. Это обстоятельство может служить ярким указанием на то, что в остготский период истории Италии правонарушения подобного рода все более приобретали характер социального протеста народных масс: отсюда — столь жестокие законодательные санкции остготского правительства.

В тесной связи с вышеприведенными постановлениями эдикта Теодориха находится и другое предписание остготского правительства, направленное против уничтожения посевов и насаждений на землях посесоров⁶, что в отдельных случаях также могло являться формой выражения ненависти народных масс к крупным землевладельцам.

Нередки, повидимому, были и случаи убийства рабами и колонами наиболее ненавистных представителей знати. Обычно это были акты мести рабовладельцам за их крайнюю жестокость. О таком случае подробно рассказывает Кассиодор в своих „Вариях“.

В одном из рескриптов короля Теодориха от 507—511 гг. предписывается строго карать рабов за убийство их господ: „И поэтому настоящим приказом мы предписываем вам поступить согласно всей строгости законов с рабами, которые со злодейским коварством убили своего господина Стефана и оставили его тело без погребения, ибо те, кто следует самым дурным примерам, караются суровыми наказаниями“⁷. Из данного рескрипта остготского правительства с очевидностью вытекает, что подобные акты мести господам со стороны рабов не были лишь единичными случаями, а имели, повидимому, известное распространение, вследствие чего для

¹ ETh., § 104.

² Ibidem.

³ Ibidem. Cp. Paulus. Sent., lib. V, tit. 22, § 2.

⁴ З. В. У дальцова. Сельское зависимое население Италии VI в., стр. 101 и сл.

⁵ Paulus. Sent., lib. V, tit. 22, § 2. В эдикте Теодориха для рабов и колонов, совершивших подобное преступление, в качестве наказания устанавливается смертная казнь; согласно нормам римского права, рабы за аналогичное правонарушение ссылались в рудники, а свободные люди незначного происхождения (humiliores) наказывались конфискацией $\frac{1}{3}$ имущества и ссылкой.

⁶ ETh., § 151. Cp. Paulus. Sent. II, 31, § 25. В остготском законодательстве наказание также увеличивается по сравнению с тем, которое предписывало римское право: возмещение убытков в эдикте Теодориха устанавливается не в 2-кратном размере, как в римском праве, а уже в 4-кратном. В случае совершения подобного проступка рабами и колонами производилось возмещение убытков господином, либо виновные предавались казни.

⁷ Cassiod. Var., II, 19.

устрашения других рабов виновных наказывали беспощадно. Об убийстве рабами свободных людей Кассиодор сообщает и в других местах своего обширного труда¹.

Народное возмущение против притеснений знати порою выливалось и в стихийные выступления, связанные с поджогом имений крупных землевладельцев их рабами и колонами.

О том, что поджоги домов и вилл богачей из числа римской и остготской знати являлись иногда своеобразным выражением социального протеста народных масс, свидетельствует внесение в эдикт Теодориха суровых санкций против поджогов, особенно таких, которые совершены рабами и колонами. „Тот, кто из вражды подожжет хижину, дом или чужую виллу, если это раб, колон, рабыня или оригинарий, то он сжигается на костре. Если же это сделает свободный, то пусть он возместит тот ущерб, который был причинен в результате вызванного им пожара, пусть восстановит здание и в наказание за такой проступок пусть уплатит стоимость сожженного имущества. Если же он по своему имущественному положению не имеет возможности этого сделать, то после наказания палками он отправляется в вечное изгнание“², — говорится в статье 97 эдикта Теодориха.

Анализ этого предписания и сравнение его с аналогичными постановлениями римского права показывают, что в этой статье эдикта нашли свое отражение весьма существенные изменения в общественных отношениях Италии VI в. по сравнению с предшествующим временем. В самом деле, в то время как в римском праве говорится лишь о поджоге, совершенном свободными людьми знатного или незнатного происхождения³, в остготском законодательстве основной акцент перенесен на пресечение поджогов, совершаемых зависимыми людьми — рабами, колонами и оригинариями: они резко противопоставляются свободным и подвергаются за это преступление самому суровому наказанию, известному в эдикте Теодориха, — сожжению. При этом знаменательно, что вообще эдикт Теодориха карает сожжением лишь самые тяжкие, с точки зрения правительства, преступления, т. е. либо выражающие социальный протест народных масс, как-то — открытые вооруженные восстания народа⁴, либо такие преступления, которые затрагивали классовые привилегии и предрассудки, как, например, сожительство раба со свободной и знатной женщиной⁵. Эти преступления вызывали особые опасения и ненависть в среде господствующего класса остготского королевства, и потому совершившие их карались беспощадно.

Вместе с тем, на наш взгляд, остготское правительство отнюдь не случайно в своих законодательных постановлениях особо отмечало участие в поджогах домов знати зависимых людей — рабов, колонов и оригинариев, в то время как римское право о них совсем не упоминало.

¹ Cassiod. Var., I, 30.

² Eth., § 97: „Qui casam, domum, aut villam alienam inimicitiarum causa incenderit: si servus, colonus, ancilla, originarius fuerit, incendio concremetur: si ingenuus hoc fecerit, restituat quicquid dispendii acciderit per illud, quod commovit, incendium, aedificiumque renovet, et aestimationem insuper consumptarum rerum pro poena talis facti cogatur exsolvere; aut si hos sustinere pro tenuitate nequiverit, fustibus caesus perpetui exilii relegatione plectatur“.

³ Paulus. Sent., lib. V, tit. 20, § 2: „... те, кто из вражды подожгут хижину или виллу, если они низкого происхождения (humiliores), то они ссылаются на рудники или на общественные работы, если же они люди знатные (honestiores), то они ссылаются на остров“. Cp. ibid., lib. V, tit. 3, § 6 et lib. V, tit. 20, § 1.

⁴ Eth., § 107.

⁵ Ibid., § 61.

Очевидно, в период издания эдикта Теодориха поджоги имений крупных землевладельцев именно лицами, принадлежавшими к наиболее угнетенным слоям населения Италии, были весьма распространенным явлением; эти акты были выражением социальной борьбы, что и вызывало такие жестокие кары правящих верхов.

Кроме того, следует подчеркнуть, что в остготском законодательстве не проводится никакого различия в наказании за совершение поджога рабом, колоном или оригинарием; все эти категории зависимых людей фактически уравниваются перед лицом закона в тех случаях, когда речь идет об их участии в выступлениях, направленных против знати. Кстати сказать, этот „частный случай“ вполне соответствует и общей тенденции остготского законодательства к уравниванию в юридическом отношении положения рабов и колонов¹.

Повидимому, также не случайно и упоминание в эдикте почти всех категорий зависимых людей — рабов, колонов и оригинариев (не названы лишь рустики), что, быть может, свидетельствует об их совместном участии в социальной борьбе того времени. Не случайно и резкое противопоставление в данной статье эдикта свободных и зависимых людей².

Далее, в то время как закон неумолимо карал поджоги, совершенные рабами, колонами или оригинариями, по отношению к аналогичным преступлениям свободных, особенно состоятельных людей он был значительно более милостив. Однако и относительно свободных людей в эдикт внесены весьма существенные изменения по сравнению с предписаниями римского права. Если в постановлениях последнего, трактующих случаи поджогов чужого имущества, речь шла о совершении подобных преступлений знатными (*honestiores*) и незнатными (*humiliores*) людьми³, то в эдикте Теодориха знатные лица (*honestiores*) совершенно не упоминаются, а деление на знатных и незнатных заменяется делением на состоятельных людей, имеющих возможность возместить из своих средств принесенный пожаром ущерб, и на бедняков, которые не в состоянии это сделать и поэтому подвергаются позорному телесному наказанию и вечной ссылке⁴.

Замена именно в этой статье эдикта Теодориха, острим своим устремленной на подавление социального протеста народных масс, деления свободных людей на знатных и незнатных противопоставлением богатых и бедных вряд ли может быть объяснена лишь влиянием германского права, как полагал в свое время Ф. Дан⁵. На наш взгляд, это нововведение было в первую очередь направлено против выступлений широких народных масс Италии, в том числе и обедневших свободных крестьян, среди которых также нередки были стихийные вспышки недовольства различными притеснениями богатых землевладельцев. Вследствие этого свободные бедняки, дерзнувшие поджечь усадьбу или дом крупного землевладельца, карались позорным наказанием палками и вечной ссылкой, в то время как состоятельные люди за поджог владений соседа могли отделаться лишь материальной компенсацией убытков.

¹ Э. В. Удадьцова. Сельское зависимое население Италии VI в., стр. 119—120 и слл.

² ETh., § 97.

³ Paulus. Sent., lib. V, tit. 20, § 2.

⁴ ETh., § 97.

⁵ F. D a n n. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 84—86. Конечно, влияние германского права в данном случае отнюдь не исключено, но ошибочно приписывать этому влиянию значение главного и единственного фактора, вызвавшего указанное юридическое нововведение.

Угнетенные народные массы остготского королевства, рабы и колонны, в своей борьбе за освобождение иногда объединялись и совершали даже вооруженные нападения на имения крупных землевладельцев. Об этом красноречиво говорят суровые санкции остготского правительства, применявшиеся против участников „насилий“, совершаемых вооруженной „толпой“ (*multitudo*). Социальная направленность остготского законодательства проявляется в подобных предписаниях с особенной яркостью.

Вот одно из таких предписаний эдикта Теодориха: „Тот, кто с вооруженными людьми, оружием, палкой, камнем изгнал без кого-нибудь из его владения, дома или виллы, захватил, осадил, запер, или тот, кто для этого предоставил своих людей, поместил, привел, устроил беспорядки, мятежи (*seditiones*), пожар (*incendium*), пусть будет присужден к наказанию за совершение насилия (*ad violentiae roenam*), о котором писалось выше (т. е. к смертной казни. — Э. У.)“¹.

Из этого постановления эдикта Теодориха можно заключить, что вооруженные нападения на дома или виллы какого-либо землевладельца совершались иногда представителями знати с целью захвата чужого имущества и при помощи зависимых от них людей². Однако из предписания эдикта явствует также и то, что подобные нападения совершались и самими угнетенными людьми и, стихийно возникнув в результате народного возмущения, сопровождались серьезными беспорядками, „мятежами“ и пожарами³. Это всецело подтверждается и другим предписанием того же эдикта Теодориха, в котором предусматривается случай, когда „насилие“ (*violencia*) совершено рабами — по приказанию своих господ или по их собственной инициативе: „...Если окажется, что рабы совершили насилие по своей собственной злонамеренности, то они наказываются смертной казнью“⁴.

В другой статье эдикта Теодориха мы находим указание на то, что кроме рабов и колоннов в вооруженных выступлениях принимали участие и свободные люди „низкого“ происхождения. В этом предписании эдикта говорится, что бывают случаи, когда люди низкого происхождения собирают войска с целью запугать кого-либо; за это они после позорного наказания палками подвергаются вечной ссылке⁵. Быть может, подобные указания эдикта свидетельствуют об участии в народных выступлениях того времени некоторой части воинов, привлекавшихся для вооруженных нападений на имения крупных землевладельцев.

Само собой разумеется, остготское правительство в случаях вооруженного нападения „толпы“ на имения крупного собственника всецело защищало интересы последнего; это нашло свое выражение в предоставлении владельцу имения права вооруженной защиты от нападения и безнаказанной расправы с нападающими⁶.

¹ ETh., § 75: „Qui etiam armatis hominibus, ferro, fuste, lapide, de possessione quemquam domo, villa expulerit, expugnaverit, obsederit, clauserit, aut si forte propter hanc rem quis homines suos praestiterit, locaverit, conduxerit, turbam, seditiones, incendium fecerit, ad violentiae poenam, quae est superius adscripta, teneatur...“ Cp. Paulus. Sent., lib. V, tit. 26, § 3.

² ETh., § 75, 77.

³ См. интересную и весьма ценную работу М. Я. Сююмова «О социальной сущности законодательства „Василик“». ВВ, т. VI, 1953, стр. 72—88.

⁴ ETh., § 77: „...si violentiam eos sua temeritate commisisse claruerit“. В эдикте Теодориха за подобные преступления устанавливается более суровое наказание, чем в римском праве: согласно предписаниям римских юристов, виновные в этом преступлении не подвергались смертной казни, а ссылались в рудники (Cod. Theod., IX, 10, 4).

⁵ ETh., § 89. Cp. Paulus. Sent., lib. V, tit. 25, § 12.

⁶ ETh., § 16.

Таким образом, можно бы предположить, что в остготском государстве в правление короля Теодориха, повидимому, не были редкостью даже и вооруженные нападения угнетенных, в первую очередь рабов и колоннов, на имения крупных землевладельцев.

В источниках, относящихся ко времени правления короля Теодориха и его ближайших преемников, сохранились известия не только о таких вооруженных нападениях на владения знати и поджогах их домов и вилл, но и об открытых народных восстаниях. Недаром эдикт Теодориха вводит новое, совершенно самостоятельное и отнюдь не почерпнутое из римского права законодательное постановление, направленное против народных восстаний. Это чрезвычайно важное предписание эдикта гласит: „Тот, кто окажется виновником мятежа (*seditionis*) в народе или в войске, — предается сожжению“¹.

Страх перед народными восстаниями, стремление самими беспощадными мерами пресечь выступления народных масс обусловили издание этого предписания, согласно которому руководители и организаторы народных восстаний приговаривались к самой тяжелой каре — сожжению.

Остготское правительство было серьезно обеспокоено не только народными волнениями, но также и восстаниями в армии². Имеются основания думать, что внесение в эдикт Теодориха особого предписания, карающего сожжением вождей восстаний в войске, было вызвано не только мятежами солдат и отдельных военных командиров, но и участием воинов в народных движениях того времени: это вселяло особенно сильные опасения правителям остготского государства.

Об открытых народных выступлениях против остготского правительства в правление короля Теодориха упоминает также и Кассиодор³.

Народные волнения в остготском государстве принимали столь опасные для правительства формы, что король Теодорих даже отправил в 509/510 гг. особое послание римскому сенату, где с горечью писал: „... спокойствие государства потрясается недозволенными мятежами“⁴. В правление Теодориха значительное вооруженное восстание вспыхнуло в Сирмиенской Паннонии; для усмирения восставших были посланы остготские войска во главе с комитом Колоссеем⁵. С большим трудом Колоссею удалось подавить восстание и установить в этой области относительный порядок⁶. В первые годы царствования Теодориха неспокойно было и в Сицилии, так что король был вынужден послать туда патриция Кассиодора для ведения переговоров с восставшими. Кассиодор весьма ловко сумел добиться соглашения и, пойдя на некоторые уступки, усмирил „мятежные души“ сицилийцев⁷.

Нередко народные волнения в остготском государстве принимали характер открытых выступлений, связанных с уличными „беспорядками“

¹ ETh., § 107: „Qui auctor seditionis vel in populo vel in exercitu fuerit, incendio concremetur“.

² Ф. Дан (F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 87) признает большое политическое значение предписания эдикта Теодориха, направленного против „мятежей“ в народе и войске; однако, следуя своим общим националистическим воззрениям, он стремится подчеркнуть, что столь жестокое наказание за мятеж, как сожжение, не было заимствовано Теодорихом из германского права.

³ Cassiod. Var., I, 20, 30—33; 44; III, 23—24; IV, 43; VI, 6, 8; IX, 17, etc.

⁴ Cassiod. Var., I, 44: „...quia quorundam illicitis seditionibus civilitas turbatur...“

⁵ Ibid., III, 23—24.

⁶ Ibid., III, 24. Ср. Cassiod. Var., IV, 13.

⁷ Ibid., I, 3.

и обычно вызванных недостатком хлеба и других съестных припасов¹. В отдельных случаях они сопровождались пожарами².

Массовые вооруженные выступления народа продолжались и при ближайших преемниках короля Теодориха. Так, например, при короле Аталарихе вспыхнуло народное волнение, которое явно носило характер политического выступления против правительства³.

Кассиодор сообщает о народных волнениях, происходивших как в крупных городах остготского государства, так и в провинциях. Большой интерес представляют данные Кассиодора об открытых восстаниях народных масс в городах⁴. Обычно эти вспышки стихийных народных выступлений были связаны с борьбой цирковых партий, особенно с действиями партии прасинов⁵. Во время волнений в цирке народный гнев зачастую обрушивался на знатных патрициев. Известны случаи убийства последних⁶. По данным Кассиодора, в 509—511 гг. были серьезные народные волнения в Риме, в которых самое активное участие принимали римский плебс, ремесленники, работники мастерских. Восстание сопровождалось пожарами, восставшим народом были подожжены дома знати, общественные мастерские, синагога и другие здания⁷.

В других источниках VI в. также содержатся сведения о народных волнениях в Риме, Вероне, Равенне и других городах Италии в правление короля Теодориха⁸.

Политика веротерпимости, проводившаяся Теодорихом и столь прославляемая некоторыми его современниками⁹, не мешала этому королю беспощадно расправляться с язычниками и еретиками, жестокими мерами пресекать всяческие антицерковные выступления, вести постоянную борьбу с движениями, направленными против господствующей церкви. Фактически остготское правительство осуществляло политику веротерпимости лишь по отношению к католикам, в целях поддержания мирных отношений с католическим духовенством и из опасения восстановить против себя большинство населения Италии. Что же касается каких-либо проявлений свободомыслия и оппозиции церкви, то они подвергались жестоким преследованиям в королевстве остготов. В эдикте Теодориха имеется специальное постановление, направленное против антицерковных движений, связанных с возрождением языческих верований: „Если кто-либо будет уличен в совершении языческих обрядов, будь то ариолы или умбрарии (*arioli etiam atque umbrarii*), в случае, если они будут обнаружены и уличены путем справедливого расследования, то они караются смертью“¹⁰. Данные источников VI в. позволяют предположить, что распространение еретических воззрений, а иногда и возрождение языческих верований среди некоторой части народных масс Италии имели место еще в конце VI в. и являлись, повидимому, своеобразными формами социального протеста угнетенных слоев населения.

¹ Cassiod. Var., VI, 6, 8.

² Ibid., IV, 43.

³ Ibid., IX, 17.

⁴ Ibid., I, 30, 31, 32, 33.

⁵ Ibid., I, 20, 33.

⁶ Ibid., I, 32.

⁷ Ibid., IV, 43.

⁸ *Consularia Italica*. MGH, Scriptorum, t. IX. Berolini, 1892, § 80, 81, 82.

⁹ *Anonymus Valesianus*, pars posterior, MGH, Scriptorum, t. IX, p. 322—323. Cassiod. Var., V, 33, XI, 18, 27, 33.

¹⁰ ETH., § 108: „Si quis pagano ritu sacrificare fuerit deprehensus, arioli etiam atque umbrarii, si reperti fuerint, sub iusta aestimatione convicti, capite puniantur...“.

Об ариолах см. *Lex Wisigoth.*, VI, 2, cap. 1, 3. *Edict. Langobard.* Liutprand., cap. 84—85. F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 87—88.

Об этом свидетельствует крайняя встревоженность католической церкви и папского престола тем, что рустики и клирики в церковных владениях Сардинии покидают католичество и возвращаются к языческим верованиям¹. Католическая церковь вела против этого самую беспощадную борьбу, подвергая „отступников“ жестоким наказаниям. В одном из своих писем от 599 г. папа Григорий I предписывает Януарию, епископу Сардинии, вести постоянный пастырский надзор за язычниками и „святоотатцами“, открыто проповедовать в народе против них и призывать их отказаться от своих заблуждений под страхом не только „божьей кары, но наказания в земной жизни“². В случае, если они не пожелают раскаяться, то по отношению к ним следует применить самые суровые меры: если это рабы, то их необходимо наказывать бичеванием и такими пытками, какие смогут привести их к исправлению; если же это свободные люди, то они должны быть подвергнуты заключению, чтобы их телесные страдания возвратили им здоровье их душ³.

О распространении еретических движений в Италии VI в. сообщают и другие источники того времени. Так, например, по словам историка равеннской церкви Агнелла, в 60-х годах VI в. в Равенне „обнаружилась ересь манихеев, которых православные христиане, связав, выбросили за пределы города и в местечке, которое называется *Fossa Sconii*, расположенном на берегу реки, побили камнями, и умерли они во грехах своих, а нечестье было удалено из Равенны“⁴.

Следовательно, на основании источников VI в. мы можем прийти к заключению, что прославленная веротерпимость остготского правительства Теодориха отнюдь не распространялась на народно-еретические движения, которые пресекались остготским правительством со всей жестокостью. В то же время необходимо признать, что в VI в. в Италии уже росла оппозиция господствующей церкви, вызванная насилиями и злоупотреблениями духовенства.

Подводя некоторые итоги исследованию вопроса о классовой борьбе в остготском государстве при первых остготских королях, мы можем прийти к заключению, что становление новой феодальной формации и изживание еще довольно значительных пережитков рабовладения в остготском государстве в Италии протекало в обстановке напряженной классовой борьбы. Серьезные социально-экономические и политические сдвиги в общественном строе Италии определили характер и общую направленность народных движений. Сложность и противоречивость общественных отношений определили и сложный, порою противоречивый характер социальной борьбы в остготском государстве.

С одной стороны, данные источников неопровержимо свидетельствуют о том, что в классовой борьбе того времени еще значительное место занимают выступления народных масс против пережитков рабовладения и попыток остготской знати, заключившей временный союз со старой римской рабовладельческой аристократией, использовать в своих интересах остатки рабовладения и даже укрепить их, низводя некоторые категории зависимых людей до положения рабов. Совершенно есте-

¹ *Gregorii I papae registrum epistolarum*, IX, ep. 204.

² *Ibidem*.

³ *Ibidem*: „... Si quidem servi sunt, verberibus cruciatibusque quibus ad emendationem pervenire valeant, castigare. Si vero sunt liberi, in clausione digni districtaque sunt in paenitentia dirigendi, ut, qui salubra et a mortis periculo revocantia audire verba contemnunt, cruciatus saltem eos corporis ad desideratam mentis valeat deducere sanitatem“.

⁴ *Agnelli qui et Andreas liber pontificalis ecclesiae Ravennatis*. MGH, *Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—IX*. Hannoverae, 1878, p. 331.

ственно, что подобная политика остготского правительства встречала самое упорное сопротивление со стороны народных масс Италии. В борьбе против этой политики правящего класса объединились различные слои угнетенного населения — рабы, оригинарии, колоны и даже рустики, которым угрожала реальная опасность значительного ухудшения их положения.

С другой стороны, в социальной борьбе того времени все большее и большее место начинают занимать выступления народных масс и против эксплуатации со стороны растущей и крепнущей феодализирующейся знати, — как остготской, так и римской. Новая землевладельческая знать все чаще и чаще захватывала земли свободных земледельцев и превращала последних в зависимых людей. Крупные землевладельцы из числа феодализирующейся знати, а также высшее духовенство (как католическое, так и арианское) все в больших масштабах использовали для обработки своих земель труд колонов или рустиков: те и другие становились мало-помалу одним из основных объектов эксплуатации¹.

В связи с увеличением в хозяйственной жизни Италии удельного веса труда колонов, рустиков и свободных мелких земледельцев, естественно, несколько меняется и социальный состав участников народных движений. Несмотря на его пестроту и некоторую неясность сообщений источников по этому поводу, все же можно установить, что наряду с рабами в классовой борьбе в остготском государстве все более и более активную роль играют различные категории колонов. На это указывают особое упоминание колонов и оригинариев в законодательных постановлениях остготского правительства, а также данные эпистолярной литературы и других источников.

Вместе с тем формирование нового класса землевладельческой знати сопровождалось обезземелением мелких свободных земледельцев, насилиями и притеснениями по отношению к этой категории населения. Рост экономической мощи и политического влияния крупных землевладельцев, сопровождавшийся захватами земель свободных крестьян и превращением их в зависимых людей, различные поборы и вымогательства со стороны государственных чиновников и духовенства способствовали вовлечению разоренного италийского и остготского свободного крестьянства в социальную борьбу.

В остготском государстве не затихала борьба и беднейших слоев городского населения. В правление короля Теодориха и его ближайших преемников распространенным явлением были выступления городского плебса в крупных городах Италии — Риме, Равенне, Вероне и др. Иногда эти выступления городских масс Италии были связаны с политической и партийной борьбой, сосредоточивавшейся вокруг цирковых зрелищ, но чаще всего носили характер стихийных движений против правительства, вызванных недостатком продовольствия или злоупотреблениями правительственных чиновников.

Формы социального сопротивления народных масс, как мы видели, были весьма многообразны — от бегства рабов и колонов и актов индивидуального террора против господ до открытых народных возмущений с применением оружия. Однако в этот период выступления народных масс еще не выливаются в широкое, массовое движение, охватывающее значительную территорию. Для этого потребовался новый немаловажный толчок в виде византийского завоевания и попыток реакционных кругов объединиться с целью реставрации рабовладельческого строя,

¹ Э. В. У д а л ь ц о в а. Сельское зависимое население Италии VI в., стр. 101—116.

что в свою очередь привело к сплочению всех сил угнетенных слоев населения и к широкой народно-освободительной войне, развернувшейся в Италии в середине VI в.

Остготское правительство довольно ясно отдавало себе отчет в том, какая опасность грозила ему со стороны народных масс Италии, оказывавших все более решительное сопротивление угнетателям: поэтому принимались весьма энергичные меры для подавления выступления трудящихся. В целях борьбы с враждебными верхам выступлениями политического характера и политическими „преступниками“ правительство короля Теодориха использовало римский закон об оскорблении величества (*Lex Julia majestatis*).

В эдикт Теодориха включен ряд постановлений, свидетельствующих об этом. Так, например, в случае если кто-либо совершил преступление, связанное с оскорблением величества, то он предавался казни, а все его имущество конфисковалось, в то время как имущество лиц, виновных в совершении иных, даже весьма тяжких преступлений, обычно передавалось их наследникам¹.

Домочадцам (*familiaries*), в том числе вольноотпущенникам и рабам, разрешалось выступать в качестве свидетелей против своих господ только в случае обвинения их в совершении преступления оскорбления величества².

В целях поддержания „порядка“ в стране и подавления всякого сопротивления народных масс широко использовался аппарат государственного управления.

В период правления первых остготских королей значительным изменениям подвергся политический строй самих остготов. Важнейшее из этих изменений состояло в том, что фактически был упразднен такой важный орган управления древних германцев, как народное собрание³.

Эта эволюция являлась прямым следствием глубоких перемен в социально-экономическом строе остготов, связанных с ростом крупного землевладения и усилением феодализирующейся знати: последняя оттеснила на задний план политической жизни рядовых воинов, некогда составлявших основное ядро народного собрания. По мере роста экономического и политического влияния остготской землевладельческой и служилой знати права народного собрания фактически узурпируются советом знати, и само народное собрание теряет свое былое значение. Оно остается в памяти современников лишь в виде довольно туманного символа былой свободы; к этому символу прибегают порой как к некоей риторической фигуре, нужной для обличения „язв“ современного общества и прославления прошлого. Так, в одном из посланий короля Аталариха, имевшем целью призвать знатных жителей Южной Италии к выполнению своих общественных обязанностей в городах королевства, восхваляется собрание граждан и при этом подчеркивается, что „прекрасен облик того государства, которое, как доказано, имеет народное собрание. Ведь в этом случае в нем сияет блеск украшения свободой и оно служит необходимым (органом) для выполнения наших приказаний“⁴. Составитель этого послания — Кассиодор прибегает к ярким

¹ *ETH.*, § 113.

² *ETH.*, § 49; *Cod. Theod.*, IX, 6 const. 3; о „*familiaries*“ в значении „слуги“ см. *Cassiod. Var.*, IV, 44.

³ О. Л. Вайнштейн („Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха“, ИМ, 1938, № 6) показал, что в остготском королевстве кроме остготов было немало аланов, сарматов, ругиев, сциров, герулов и других племен.

⁴ *Cassiod. Var.*, VIII, 31, § 1.

сравнениям и метафорам для восхваления собрания граждан и порицания индивидуализма и отказа от общественной жизни. Лишь диким зверям, пишет он, дано рыскать по полям и лесам, людям же свойственно чтить отеческие очаги. Мирные птицы летают стаями, в то время как хищные ястребы и орлы-охотники любят летать в одиночку и, устраивая тайные засады, не ищут невинных собраний¹. Те желания смертных бывают отвратительны, которые скрываются в тайне от людей². Все это, разумеется, — лишь риторические фразы. В реальной же действительности мало-помалу королевский двор сделался центром политической жизни остготского государства³. Императорская консистория стала теперь советом при короле, в ней участвовали главным образом римляне, а готы составляли там меньшинство.

Однако рядом с консисторией существовал и совет при короле (*maiores domus regiae*), состоящий исключительно из готов. Этот совет занимался преимущественно военными делами, но также и вопросами внешней и внутренней политики и государственного управления. Значительно усилилась и власть самого короля и расширились его prerogative⁴.

В области государственного устройства, так же как и в сфере социально-экономических отношений, все явственнее проявляется синтез определенных элементов общественного строя остготов и римских государственных институтов. Аристократизация политического строя остготов и уничтожение бывших демократических учреждений, являвшихся прямым следствием начавшегося формирования феодальных отношений в стране, в то же время способствовали временному сближению остготской знати с римской аристократией в сфере государственного управления и использованию остготским правительством римского государственного аппарата для подавления сопротивления народных масс.

Как известно, королевская власть при организации управления в остготском государстве широко использовала не только римское законодательство, но также и римскую административную систему и услуги римских государственных чиновников. Административное деление Италии и муниципальная организация продолжают оставаться почти неизменными. В провинциях Италии в значительной степени сохраняется старая римская система управления и римская гражданская администрация. Последняя при этом, по данным Кассиодора, управляла не только римлянами, но в сфере гражданских дел и финансов ей были подчинены также и готы. Так, например, римские чиновники ведали сбором податей как с римляни, так и с готов и других „варваров“⁵. Однако несмотря на то, что остгот-

¹ Cassiod. Var., VIII, 31, § 2—3.

² Ibid., § 3.

³ См. Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1922, стр. 205—206.

⁴ См. Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства, стр. 205—208. Э. Штейн полагает, что король Теодорих никогда не обладал всей полнотой власти римского императора, ибо он не пользовался двумя важнейшими prerogative римского императора — правом издавать новые законы и даровать римское гражданство (E. Stein. Histoire du Bas-Empire, p. 118). Штейн особо подчеркивает то обстоятельство, что Теодорих оставался имперским чиновником и командиром войск (ibid., p. 117). Этот остготский король лишь в исключительных случаях чеканил золотую монету со своим изображением, и то она не находилась в обращении (ibid., p. 119).

⁵ Cassiod. Var., I, 19. В труде Кассиодора весьма явственно проявляется преклонение перед римской государственной организацией времен империи, довольно часто, правда, в риторической форме, говорится о гражданском долге, требующем подчинения частных интересов общественным. Ibid., IV, 43; XII, 7; X, 14.

ское правительство широко использовало римскую административную систему, полного доверия к своим римским подданным оно не имело и постоянно опасалось их недовольства, которое всегда могло перерасти в открытое возмущение. Поэтому правительство Теодориха не ограничилось возобновлением римского закона об оскорблении величества и суровым преследованием всех политических „преступников“, но под давлением остготской знати создало новый, имевший большое значение, институт так называемых *saiones* (*agentes in rebus*) или *comitiaci*¹. Важнейшей функцией сайонов был политический надзор за всеми „подозрительными“, преимущественно из числа римских подданных остготского короля. Эту должность могли выполнять только готы, римляне же от нее отстранялись. Сайоны пользовались большим влиянием в остготском государстве; институт сайонов являлся важным политическим институтом германского происхождения, используемым остготским правительством преимущественно для надзора за администрацией и главным образом в целях борьбы с политическими выступлениями против правительства и народными восстаниями в стране.

Недоверие к римлянам, усилившееся в результате серьезных народных волнений в Риме, привело даже к тому, что остготское правительство запретило римлянам носить оружие. Об этом прямо сообщает один анонимный хронист (т. н. Аноним из Вalezия), который пишет: „...и запретил он (Теодорих. — Э. У.) римлянам иметь какое-либо оружие, даже нож“².

Вся военная организация государства была сосредоточена в руках готов³. Старая римская система набора рекрутов среди римского населения была отменена. Землевладельцы не должны были больше поставлять рекрутов из числа своих колонов, а городские общины — из беднейшего населения городов⁴.

Все большей политической и военной властью в стране начали пользоваться *comites Gothorum*. Во всех провинциях Италии рядом с гражданской администрацией из римлян стоял военный правитель из готов (*comes Gothorum provinciae*). Ниже его на иерархической лестнице находился правитель области или городской общины, также назначаемый из готов (*comes Gothorum civitatis*), рядом с которым стояли дефензоры и кураторы из числа римлян.

Comites Gothorum весьма существенным образом ограничивали сферу влияния римской гражданской администрации. Власть *comites Gothorum* распространялась и на область судопроизводства, ибо готские войны и члены их семей подлежали их суду. Кроме того, всякое судебное дело, в котором одной из тяжущихся сторон выступал гот, также подлежало рассмотрению суда *comites Gothorum*.

Если в судебном процессе одновременно участвовали и готы и римляне, то дело разбирали *comites Gothorum* в присутствии римских

¹ *Cassiod. Var.*, V, 5, XI, 35, L. M. Hartmann. *Geschichte Italiens im frühem Mittelalter*, Bd. I., S. 9, 126 etc. E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, p. 122—123.

Д. М. Петрушевский. *Очерки из истории средневекового общества и государства*, стр. 213—214. П. Виноградов. *Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии*. СПб., 1880, стр. 95—96.

Иногда сайоны являлись начальниками военных отрядов (*Cassiod. Var.*, V, 23, 30); имели судебные функции по различным особо важным делам (*Ibid.*, VIII, 27); заведовали снабжением (*Ibid.*, II, 13, 20; IV, 14, 39; XII, 3); выполняли особые королевские приказания (*Ibid.*, V, 27); осуществляли охрану лиц, пользовавшихся защитой короля (*Ibid.*, IV, 27) и т. д.

² *Consularia Italica*, § 83.

³ *Cassiod. Var.*, II, 24; XII, 8, 14.

⁴ *Ibid.*, XII, 8, 14.

юрисконсультов. В компетенцию комита готов, кроме того, входило строительство общественных зданий, наблюдение за торговлей и транспортом, взимание налогов и некоторые другие финансовые функции.

Хотя по своему правовому положению *comites Gothorum* и были приравнены к высшим чиновникам римской гражданской администрации, но на деле, распоряжаясь военными силами, *comites Gothorum* пользовались большим влиянием на весь ход политических дел в государстве. Однако сами комиты готов находились под надзором королевских сайонов, которые не только помогали комитам¹, но и контролировали их².

Таким образом, в остготском государстве мы видим сложное переплетение римских государственных институтов с чисто германскими учреждениями, причем последние получили с течением времени преобладание благодаря их военному характеру. Наряду с сайонами и комитами готов в политической жизни немаловажную роль играл и еще один чисто германский институт, т. н. *tuitio* — право покровительства со стороны короля, обеспечивающее частному лицу полную личную неприкосновенность. Готская знать широко использовала этот институт в своих политических интересах.

Мало-помалу влияние готов стало все больше распространяться и на римскую администрацию. И в самом Риме готы контролировали римлян. Так, например, в 511 г. один из военачальников Теодориха, гот Аригерн, входил в состав муниципалитета города Рима. Префектура города находилась под постоянным и непосредственным контролем сайонов. К концу правления Теодориха городская префектура Рима превратилась из могущественной силы лишь в призрачное имя.

Таким образом, несмотря на сохранявшееся еще влияние римских учреждений и римской администрации, по мере укрепления экономических и политических позиций остготской знати она получила явное преобладание во всех наиболее важных областях государственного управления.

Итак, на основании данных источников, мы можем прийти к выводу о взаимном влиянии германских и римских государственных институтов в остготском королевстве и о дальнейшей аристократизации и феодализации государственного управления в процессе складывания раннефеодальной монархии в остготском государстве.

Не касаясь подробно вопроса о государственном устройстве Италии в период остготского владычества, который должен быть предметом специального исследования, мы лишь в самых общих чертах охарактеризовали тот аппарат классового насилия, который был использован остготской и римской знатью в их борьбе с нарастающим сопротивлением народных масс. Это было необходимо для воссоздания более полной и четкой картины той социальной борьбы, которая происходила в остготском государстве в VI в.

¹ *Cassiod. Var.*, IV, 27.

² *Ibid.*, IX, 10.